

Насыщенные дни пролетали незаметно. Е Цзюньшу с головой ушел в финальный рывок, зарывшись в «Четверокнижие» и «Пятикнижие». Когда учитель объявил, что пора собирать вещи и послезавтра на рассвете они отправляются в путь, юноша даже не сразу сообразил, о чем речь.

«Собираться? В путь?» — Е Цзюньшу осенило. Ах да, время экзамена(юанькао) подошло.

В их уезде грамотных людей в каждом потоке было немного, как и самих кандидатов. Устраивать отдельный экзаменационный пункт было бы напрасной тратой ресурсов двора, поэтому кандидаты из Фэнчэна сдавали экзамен вместе с соседями в другом уезде. Каждый раз учитель и двое помощников-наставников сопровождали учеников, выезжая за десять дней до начала, чтобы те успели освоиться в уезде Линьфэн.

Шиму уже подготовил два набора кистей и туши. Е Цзюньшу оставалось только собрать одежду и личные вещи — обо всем остальном позаботились за него. Обычно дома, когда приходилось работать в горах, Цзычжоу одевался очень просто: короткая куртка с узкими рукавами и штаны, заправленные в сапоги — практично и без излишеств.

С тех пор как он поселился в городе, шиму лично сшил ему три комплекта ученических халатов — жуфу с прямым воротом. Надев их, Е Цзюньшу чувствовал себя крайне непривычно и скованно. Однако, вступая на путь государственной службы, необходимо соответствовать образу жизни и привычкам ученых мужей.

Если выглядеть белой вороной, можно легко стать изгоем среди других студентов, а этого Е Цзюньшу не хотел. Поэтому теперь ему приходилось привыкать к отличиям в одежде. В конце концов, если понадобится поработать в горах, он всегда сможет переодеться.

Раз уж послезавтра предстоял отъезд в Линьфэн, Е Цзюньшу почувствовал, что обязан навестить родные края. Он отпросился у учителя и отправился в деревню. Экзамен — событие огромной важности для семьи.

Цзычжоу решил, что в любом случае должен вернуться, чтобы «поговорить» с покойными родителями. Он купил ритуальную бумагу для сожжения и другие подношения, после чего двинулся в путь.

Воловья повозка всё же быстрее пешего хода. Е Цзюньшу заглянул на стоянку транспорта и решил попытать удачу — и не прогадал. Он радостно ускорил шаг:

— Дядя Нью, вы здесь! Какая удача!

Сегодня не был рыночный день, так что встретить дядю Нью с его повозкой было настоящим сюрпризом. Старик долго всматривался в Е Цзюньшу — в новых одеждах тот выглядел совсем другим человеком.

— Это ты, Чжоу-цзы! Как ты здесь оказался? Ты же вроде в городе живешь? Когда в деревню вернешься?

— Дядя Нью, я вернусь уже после экзаменов. Вы здесь кого-то ждете? Не подбросите меня?

Старик слушал и одобрительно кивал: в их деревне вот-вот появится настоящий ученый!

— Да я тут заканчиваю дела, подожду старосту и поедем, недолго осталось.

— Дядю Жун? — удивился Е Цзюньшу. Будучи старостой, тот редко выбирался в город без нужды. — Что-то случилось?

— Прежнего судью, Ван Чжигао, сняли с должности и увезли в столицу на суд, помнишь? Так вот, новый судья от двора прибыл несколько дней назад. Созвал старост из всех окрестных деревень, чтобы, так сказать, познакомиться лично.

Дядя Ню, хоть и жил в деревне, знал новости лучше, чем зарывшийся в книги Е Цзюньшу.

Цзычжоу, который в последнее время «не слышал ничего, что творится за окном», и впрямь не знал о прибытии нового чиновника. Оставалось надеяться, что этот будет достойным человеком, иначе сельчанам снова придется несладко.

Не успели они договорить, как неспешной походкой подошел староста. Е Цзюньшу первым поприветствовал его:

— Дядя Жун.

— Чжоу-цзы, — староста Жун помнил мальчика еще совсем маленьким, когда тот шел в школу в крошечном халате ученика.

Сейчас образ взрослого мужчины наложился на детские воспоминания, вызывая у старика гордость и легкую грусть. Судьба сделала круг, и Чжоу-цзы всё же вернулся на путь знаний. Сложно сказать, к добру это или к худу, но стремление юноши к высотам старшие могли только поддержать.

— Решил вернуться в деревню?

— Да, хочу навестить родителей, рассказать им.

При жизни отец и аму очень хотели, чтобы он прославил род. Наконец-то он исполняет их желание.

— Правильно, — кивнул староста. — Экзамен — дело серьезное. Нужно не только родителям сказать, но и совершить жертвоприношение, чтобы известить предков рода.

— Не будет ли это слишком пышно, дядя Жун? Я иду на юанькао прежде всего за опытом. С моими нынешними силами шансов на успех не так много.

— Ты — часть нашего клана Е. Если потомки семьи добиваются успеха, это великое дело для всего рода, оно должно быть торжественным.

— Давайте поступим так: я сначала сдам экзамен, и если пройду — тогда и устроим большое подношение предкам. А если вдруг не получится, зачем зря обнадеживать духов? Это было бы моей виной как младшего.

Успех на экзамене на семь частей зависит от таланта, а на три — от удачи. Е Цзюньшу надеялся, что его удачи хватит.

Староста Жун подумал и согласился с доводами юноши. Он уже представлял, как Чжоу-цзы станет сюцаем, и тогда вся деревня будет пировать три дня вместе с духами предков. Пока они разговаривали, повозка уже тронулась, и дядя Ню погнал вола в сторону родной деревни.

Большой черный вол бежал довольно резво, повозку ощутимо потряхивало, но, привыкнув, Е

Цзюньшу перестал это замечать.

Он снова спросил: — Вы видели нового уездного судью? Что он за человек?

Дядя Жун кивнул: — Фамилия его Цзян. С нами он был вполне вежлив, живо интересовался делами на полях. Кажется, чиновник честный — староста соседней деревни пытался всучить господину Цзяну серебро, так тот его прилюдно отчитал. Только вот старой закалки он, суховат, в речах не искусен. Характер, я бы сказал... прямолинейный?

Е Цзюньшу попытался представить себе нового судью. Судя по описанию — человек неплохой? Лишь бы это не было напускным благородством новичка.

Впрочем, у дяди Жуна глаз наметанный, он редко ошибается в людях. Раз он дал такую оценку, значит, почувствовал в нем стержень.

— Ты же знаешь, — продолжил староста, — часть стражников перебита, остальные схвачены. Господин Цзян привез с собой только советника-шии да одного слугу, ну и семью с прислугой. В управе катастрофически не хватает людей. Шии предложил нам самим порекомендовать способных парней, чтобы пополнить штат. Я выбил для нашей деревни восемь мест.

Люди из других деревень, видя, как страшно погибли их предшественники, боялись повторения бойни и не спешили выдвигать своих. Каждый пытался спихнуть ответственность на соседа. Дядя Жун не стал бы брать столько квот, если бы не разглядел в новом судье и его советнике порядочности.

Е Цзюньшу сразу понял замысел старосты. Он не мог не восхититься тем, как преданно дядя Жун радуется за благополучие деревни. Наверняка у него уже был план, как распределить эти места.

Староста рассказал еще немного о деревенских делах, и незаметно они добрались до окраины. Е Цзюньшу распрощался с ними и первым делом отправился на могилу родителей, а после, заглянув на минутку к Мин-аму, поспешил обратно в город.

Поездка в Линьфэн означала долгую разлуку с детьми. Е Цзюньшу не мог взять их с собой, поэтому давал наставления одно за другим. К счастью, дети уже были сознательными, даже близнецы, выпятив маленькие грудки, торжественно обещали вести себя хорошо.

Цзычжоу заставил себя унять тревогу и вместе с учителем отправился в путь. Всего на юанькао от их школы ехало двадцать два человека. Возраст у всех был разный, в основном около двадцати лет.

Е Цзюньшу был одним из самых молодых, но за последнее время он заметно вытянулся. Его стройная фигура, широкие плечи и узкая талия выдавали в нем человека крепкого и здорового, что сильно контрастировало с вечно сутулыми, тщедушными книжниками, не знавшими ничего, кроме учебников. Только лицо его всё еще хранило черты юношеской мягкости.

По этому небольшому числу кандидатов можно было судить, насколько беден и отстал их уезд, и как слаба здесь система образования. На целый уезд только частная школа учителя Циня стабильно выпускала туншэнов и сюцаев.

Учитель нанял повозки, а те, чьи семьи были побогаче, поехали на своем транспорте. Всего получилось шесть экипажей. В каждом сидело по четыре-пять человек, плюс багаж — было тесновато. Благо путь был не слишком долгим. Они ехали не спеша, с одной ночевкой, и на

второй день к трем часам пополудни прибыли в уезд Линьфэн.

Как один из богатейших городов округа Юнчжоу, Линьфэн полностью оправдывал свою репутацию. Городские ворота, лицо уезда, были высокими и величественными. У входа патрулировали стражники в казенной форме с длинными дао на поясах, взимая плату за вход. Поскольку экзамен был на носу, прибывающих было много. Когда группа Е Цзюньшу сошла с повозок, чтобы встать в очередь, он заметил в длинной веренице людей множество кандидатов в таких же халатах-жуфу, как у них.

Е Цзюньшу осторожно огляделся по сторонам. Он почувствовал себя настоящим деревенщиной. Он бывал в Линьфэне, когда сдавал на туншэна, но это было несколько лет назад. Тогда он так дрожал перед экзаменом, что в памяти почти ничего не отложилось. Теперь же он видел перед собой подлинный лик древности. Линьфэн заслуженно считался крупным перевалочным пунктом: «весь мир стремится туда, где выгода, весь мир суетится ради прибыли».

Повсюду купцы, горы товаров, невероятное разнообразие продуктов. Изящные ученые, пестрая толпа простых людей... Казалось, знаменитое полотно «По реке в День поминовения усопших» ожило и развернулось прямо перед его глазами.

Сердце Е Цзюньшу затрепетало. Какая жалость, что он так долго был заперт в глухом, забытом богом Фэнчэне! Было бы огромным упущением не увидеть этот мир своими глазами. Это была совсем другая вселенная, и он пообещал себе, что обязательно привезет сюда детей.

— Цзычжоу, чего застыл? Наша очередь подходит, пошли-пошли! — Цинь Яолянь потянул его за рукав.

Е Цзюньшу пришел в себя. Очередь двигалась быстро. Он заметил, что плата за вход различалась: с обычного путника брали две монеты, а с тех, кто вез товар — в зависимости от его ценности.

Цзычжоу подумал, что ежедневный доход города только на пошлинах должен быть колоссальным, но цены оставались в разумных пределах, иначе народ бы взбунтовался.

Вскоре подошла и их очередь. Заплатив, они под предводительством учителя свернули в сторону от главных торговых улиц. Спустя время шум толпы утих. Они оказались в тихом, живописном районе. Учитель остановился перед воротами одной усадьбы. Один из наставников постучал, и вскоре дверь открыл седовласый старик.

— Прибыли, значит, — проскрипел он. Учитель шагнул вперед: — Просим прощения за беспокойство.

Остальные ученики вежливо поклонились. Старик мягко улыбнулся: — Какое беспокойство? Мы вас заждались. Проходите скорее.

По команде учителя часть людей повела лошадей на задний двор, а часть с вещами вошла через главные ворота. Очевидно, это место было их пристанищем на всё время экзаменов. Расселили их по двое. Разумеется, Е Цзюньшу оказался в одной комнате с Цинь Яолянем.

Едва они разложили вещи, Яолянь рухнул на застеленную кровать со стоном:

— Как же это мучительно — сдавать экзамены! Сил моих нет!

Е Цзюньшу усмехнулся: — Учитель всё организовал, от чего ты устал-то?

— Тебе не понять, — пафосно вздохнул Яолян, напуская на себя вид умудренного опытом старца. Е Цзюньшу лишь покачал головой и принялся аккуратно разбирать свой ящичек, расставляя любимые кисти.

— Эй, Цзычжоу, давай сходим погуляем!

Е Цзюньшу покосился на него:

— Ты же только что сказал, что смертельно устал?

— Прогулка — это не усталость, это отдых! — безапелляционно заявил Яолян.

«Что за логика?» Впрочем, Е Цзюньшу и сам сторал от любопытства к Линьфэну, поэтому возражать не стал, лишь добавил:

— Надо спросить у других братьев-сокурсников. Раз уж мы приехали вместе, лучше и действовать сообща.

Цзычжоу почти никого из них не знал, кроме как по кивку головы, и не хотел прослыть нелюдимым гордецом.

— Я мигом всех опрошу!

Цинь Яолян подскочил, спрыгнул с кровати и вихрем вылетел из комнаты.

<http://bllate.org/book/15226/1373383>